

УДК 398:81"243

**ФОЛЬКЛОРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
НЕОБХОДИМОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ
В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ**

*Ильина Л.Э., канд. филол. наук, Чуйкова А.П. (Харьков)
Сяо Ле (Китай)*

В статье речь идет о необходимости изучения и трудностях восприятия и понимания произведений фольклора в иностранной аудитории. Обращается внимание на то, что работа с фольклорными произведениями должна носить сопоставительно-лингвострановедческий характер. Показана связь фольклорных текстов с произведениями современных русских писателей.

Ключевые слова: фольклорные произведения, диалог культур, фоновые знания, постмодернизм.

Льїна Л.Є., Чуйкова Г.П., Сяо Ле. Фольклорні твори у дзеркалі сучасної літератури: необхідність вивчення в іноземній аудиторії. У статті йдеться про необхідність вивчення і труднощі сприйняття та розуміння фольклорних творів в іноземній аудиторії. Звертається увага на те, що робота з фольклорними творами повинна носити зіставно-лінгвокраїнознавчий характер. Показано зв'язок фольклорних текстів із творами сучасних російських письменників.

Ключові слова: фольклорні твори, діалог культур, фонові знання, постмодернізм.

P'ina L.E., Chuikova A.P., Xiao Le. Folklore Works in the Mirror of Modern Literature: the Necessity of Learning for Foreign Students (in the Foreign Audience). The necessity of learning and the difficulties of comprehension and understanding of the folklore works for foreign students are examined in the article. Folklore works of literature should have a comparative character and the character of linguistic area studies. The connection between folklore texts and modern Russian writers' works is displayed.

Key words: folklore literary works, dialogue of cultures, background knowledge, postmodernism.

Язык представляет собой не только систему знаков, но и сложившуюся форму культуры народа. В языке отразился и сохранился многовековой опыт народа, история культурной жизни нации, ее мечты и чаяния. Благодаря я этому язык – уникальное средство сохранения национальной идентичности, самая главная историко-культурная ценность.

С этой точки зрения наиболее ценны и познавательны фольклорные произведения, интерес к которым в последнее время растет. Сказки, легенды, былины, пословицы являются уникальным материалом для лингвостилистического и лингвострановедческого анализа. Кроме того, в фольклоре нашли отражение многие константы концептуальной сферы народной культуры. Описание концептосферы русского языка невозможно без обращения к русскому народному творчеству, поскольку именно в этом лингвокультурном пространстве можно выявить источники и пути становления ментальных характеристик народа.

Фольклорные произведения вызывают определенные трудности рецепции именно в силу своей национально-культурной специфики, часто недоступной пониманию иностранцев без системной, поэтапной и целенаправленной работы.

В методическом плане тексты сказок являются идеальным средством формирования коммуникативной, страноведческой, лингвокультурно-логической компетенций, поскольку в них реализованы основные культурные коды народа.

Работа с текстом фольклорных произведений должна носить сопоставительно-лингвострановедческий характер. В связи с этим весьма значимым представляется анализ номинативных единиц – национально-культурных компонентов текста, который подготавливает рецепцию. Уникальность фольклорного материала заключается в соединении как лингвистических (грамматических, стилистических), так и страноведческих явлений (обычай, традиции, культура народа).

Известно, что фольклорные произведения наиболее трудны для перевода именно в силу своей национальной культурной специфики. Поэтому знание фольклорных образов, традиционных элементов русских сказок (зачин, присказка, время и место событий и др.), понимание смысла

произведения даст возможность глубже узнать культурные традиции народа, язык которого изучается иностранными студентами, сравнить систему образов, сюжеты сказок разных народов, языковые средства, оформляющие их. В этом и проявляется “диалог культур”.

В иностранной аудитории живой интерес вызывают фольклорные произведения, где срабатывает “эффект узнавания”: знакомая тематика, сходные сюжеты и образы. Безусловно, сказки каждого народа имеют ярко выраженный национальный характер, что, в частности, проявляется в языке, в изображаемом укладе жизни, в бытовых подробностях и др. Но различие культур не мешает, например, китайским студентам в процессе знакомства с русским фольклором самим прийти к выводу о наличии в обеих культурах бытовых, волшебных сказок и сказок о животных, а также понять, что в русских сказках, как и в китайских, высмеиваются общечеловеческие пороки: лень, жадность, упрямство, глупость, стремление к власти и богатству любой ценой и воспеваются такие качества, как трудолюбие, доброта, справедливость, храбрость и т.д.

Практика работы с китайскими студентами показывает, что сопоставительный анализ сказок двух народов позволяет судить не только о сходном, но и о том, что традиционно воспринимается не одинаково представителями разных культур. Возьмем, к примеру, отношение к вере в чудо. В русских сказках, будь то образ Емели или Ивана-дурака, на поверку герои оказываются носителями таких качеств, как добродушие, правдивость, смекалка, хитрость и в то же время бесхитрость, что делает эти образы скорее привлекательными, чем отрицательными. В китайских же сказках открыто смеются над теми, кто верит в возможность получения чего-либо даром, без труда и усилий. Сама вера в чудо делает героя смешным. Так, трудолюбивый крестьянин из китайской сказки “Ждать зайца у дерева” в ожидании чудо-зайца, который будет бежать и в спешке сломает шею о единственное дерево, растущее на поле крестьянина, превращается в лентяя-мечтателя. Если русский народ искренне верил в чудо, то и придумывал волшебную палочку, скатерть-самобранку, ковер-самолет... В китайской же культуре, хотя само чудо и не отрицалось, но оно не воспринималось однозначно положительно. Например, в сказке о монетном дереве волшебство является своеобразным индикатором наличия лени и человеческой жадности. С чудо-дерева сначала сыпятся медные монеты, потом серебряные и, наконец, золотые. Но если человек ленится и надеется только на монетное дерево, оно засыпет его монетами, и он навсегда останется под этим деревом.

Изучение произведений фольклора необходимо и весьма познавательно во многих отношениях, поскольку они многофункциональны и многоплановы как в лингвистическом аспекте, так и в аспекте сопоставления. Знакомство с фольклором позволяет проникнуть в тайны национального характера, а также провести параллели с другой культурой и другой ментальностью.

Фольклорные произведения интересны также с точки зрения их связи с современной литературой. Многие образы, темы и сюжеты находят отражение в произведениях писателей конца XX начала XXI веков. Обращение к фольклору, к народным традициям воспринимается читателем как попытка осознать сущность процессов, происходящих в современном обществе и во внутреннем мире самого человека. Если иностранные учащиеся не знакомы с фольклорными произведениями, им будет крайне сложно понять, о чем идет речь в том или ином произведении.

Связь современных произведений с фольклорными традициями особенно ярко проявляется в рассказах Т.Н. Толстой – представительницы постмодернизма.

Многие критики (М. Липовецкий, А. Генис и др.), выделяя одну из основных черт поэтики Т.Н. Толстой, говорят о демонстративной сказочности ее прозы. Эта особенность стиля Т.Н. Толстой рельефно проявляется в ее рассказах о детстве: “На золотом крыльце сидели ...”, “Любишь – не любишь”, “Свидание с птицей”, где мир воспринимается ребенком как дивная страна чудес. Это мир, где “пахнет теплом, светом, домашним вечером”, “мир и покой в кругу света на белой скатерти” (“Свидание с птицей”). Мир детства – это сказочный сад: “Вначале был сад. Детство было садом. Без конца и без края” (“На золотом крыльце сидели ...”). Это мир прозрачный и хрупкий как стекло. И как в калейдоскопе он то складывается в разноцветные картинки, то, разбиваясь, разлетается на мелкие осколки.

В рассказах Т.Н. Толстой лицо сказки – это лицо жизни. А в сказках – не только таинственная Курочка Ряба и добрая фея, но и трагический Колобок, и дикие гуси-лебеди, и бессмертный Кощей. В детстве – первые страхи и по-детски искренняя вера в то, что “жизнь вечна. Умирают только птицы” (“На золотом крыльце сидели ...”). Но “жизнь все торопливее меняла стекла в волшебном фонаре. Мы с помощью мамы проникали в зеркальные закоулки взрослого ателье” (“На золотом крыльце сидели

...»). А каков он – мир взрослых? “Кто ты, дядя Паша? ... Халиф на час, заколдованный принц, звездный юноша”. (“На золотом крыльце сидели ...”). Добрый, несчастный сосед дядя Паша, “муж страшной женщины”, предстает в глазах детей хранителем сокровищ Алладина, а его жена Вероника – “Царица! Это самая жадная женщина на свете!

Наливают ей заморские вина,
Заедает она пряником печатным,
Вокруг ее стоит грозная стража ...

(“На золотом крыльце сидели ...”)

Но страх вызывает не столько грозная стража, сколько сама красавица Вероника, когда, выйдя из сарая с красными руками, с улыбкой скажет: “Теленочка зарезала ...

На плечах топорики держат ...

А-а-а! Прочь отсюда, бегом, кошмар, ужас – холодный смрад – сарай, сырость, смерть ...” (“На золотом крыльце сидели ...”).

Следует отметить, что мотив смерти генетически заложен в самой “памяти жанра” сказки. Но с древнейших обрядов перехода, через фольклорные “тексты”, религиозные ритуалы и др. сохранилась и общая модель умирания и возрождения, т.е. временной смерти. И если сказочные метаморфозы происходят с помощью волшебной палочки, заклинаний, живой и мертвой воды и т.п., то в постмодернистских произведениях сам ребенок традиционно воплощает бесконечность обновления жизни.

Мотив смерти, разрушающий гармонию детского мира, звучит и в рассказе “Свидание с птицей”, где даже заколдованная красавица Тамила не может помочь мальчику Пете спасти дедушку от птицы Сирин, ночной птицы смерти: “... Может быть, она знает какое-нибудь снадобье, петушиное слово против птицы Сирин? Но Тамила печально качает головой: нет; было, но все ошалось там, на стеклянной горе. Дала бы она дедушке охранное кольцо с жабой – да ведь сама тут же рассыплется черным порошком ...”.

Как мы видим, сказка в рассказах Т.Н. Толстой не уменьшает драматизма, а органично вплетаясь в произведение, делает его язык более выразительным. Причем особое место в них отводится языковым играм. В рассказе “Любишь – не любишь” в сказочно-игровое поле включены знаки “высокой классики”. Автор не только погружает героев в мир народных и пушкинских сказок, но и легко вводит в этот мир классиков русской литературы. Так, детские впечатления от посещения “барахолки” передаются как мелькающие “... изумительные клеёнчатые картины: Лермонтов на сером волке умыкает обалдевшую красавицу; он же в кафтане целится из-за кустов в лебедей с золотыми коронами; он же что-то выделывает с конем ... но папа тащит меня дальше ...”.

Но если дети воспринимают жизнь как сказку, то взрослые создают сказки жизни от безысходности и беспросветности этой жизни и погружаются в созданный ими мир, мифологизируя его и предлагая себе и другим поверить в его существование (“Факир”, “Соня”, “Петерс” и др.). Создавая свой зыбкий сказочный мир, герои Т.Н. Толстой видят в нем единственно возможный способ выжить, спастись от одиночества, от власти бытовой неустроенности в мире грез и снов.

Погружение в мир сказки характерно и для героев произведений В. Пьецуха. Так, в духе “иронического авангарда” в рассказе “Русская мечта” автор отсылает читателя к истории сказочного Емели, перенесенного в реальность конца XX века. Герой рассказа “вольный скотник” Кукушанский “читает ... все, от сказок до монографии, но почему-то отдаёт предпочтение именно сказкам народов мира”, приобретение которых стоило того, чтобы всю зиму ходить, закутавшись в ватное одеяло. Исследуя русский национальный характер средствами художественного слова, писатель иронизирует над “утонченным интеллигентом” Кукушанским, мечтающим о “лежательно-летательном аппарате” – диване, который по его велению мог бы двигаться “потихоньку к двери, а там на крылечко, а там на двор”.

Сказочность – типичный прием постмодернистской иронии многих современных авторов. Культурная рефлексия и, в частности, обращение к фольклорным текстам – одна из особенностей творческой переработки и переосмысления культуры прошлых веков. Фольклорные произведения имеют вневременной характер, огромную силу воздействия на читателя, т.к. в них заключен код народной ментальности.

Практика работы с иностранными учащимися показывает, что изучение произведений фольклора формирует фоновые лингвокультурологические знания и навыки лингвостилистического анализа и интерпретации художественного текста. Вместе с тем, языковая доступность произведений представителей так называемой “нетрадиционной” литературы таит в себе “подводные камни” смыслового характера, поэтому следует отчетливо представлять сложность отбора как фольклорных произведений, так и произведений современных авторов, презентуемых в иностранной аудитории. Трудность восприятия и понимания художественных текстов требует системного и поэтапного подхода в течение всего периода обучения иностранцев в вузе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики / В.Г. Костомаров. – М.: Гардарики, 2005. – 287 с.
2. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм: (Очерки исторической поэтики) / М.Н. Липовецкий. – Екатеринбург, УрГПУ, 1997. – 317 с.
3. Овчинникова Л.В. Русская литературная сказка XX в / Л.В. Овчинникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 311 с.
4. Пьецух В.А. Я и прочее: Циклы; Рассказы; Повести; Роман / В.А. Пьецух. – М.: Худож. лит., 1990. – 335 с.
5. Толстая Т.Н. Не кысь / Т.Н. Толстая. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2005. – 608 с.

© Л.Э. Ильина, А.П. Чуйкова, Сяо Ле, 2009